

ДЛЯ МАЛЮТКЪ

1890

О К Т Я Б Р Ъ № 10

Г О Д Ъ В Т О Р О Й .

СО Д Е Р Ж А Н І Е .

	СТР.
I. Цвѣты увядаютъ... (Стих.) <i>Е. Бекетовой</i> . . .	147
II. Красная жилетка. <i>З. П.</i>	149
III. Какъ Ваня попалъ на дѣтскій балъ. Съ англійскаго. <i>А. Е.</i>	151
IV. Каждая думала о своемъ. (Картинка) . . .	154
V. Дима-грибъ. <i>М. Львовой.</i>	156
VI. Бабушка и правнучекъ. <i>Максимушки.</i> . . .	160

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Сергіевская, д. № 26.

* * *

Цвѣты увядають,
Желтѣють лѣса,
Зеленаго лѣта
Уходитъ краса...

Но дѣткамъ веселымъ
Тепло и зимой
Въ ихъ комнаткѣ свѣтлой,
Съ ихъ мамой родной.

Они не забудутъ
Цвѣтущихъ луговъ,
Горячаго солнца,
Тѣнистыхъ лѣсовъ,

И весело будетъ
Зимой вспоминать,
Какъ славно имъ было
На волѣ играть.

А печка въ отвѣтъ имъ
Въ углу затрещитъ,
И зимнее солнце
Въ окно заблеститъ.

На стеклахъ узоры
Морозъ наведетъ,
И снѣгомъ пушистымъ
Весь дворъ занесетъ —

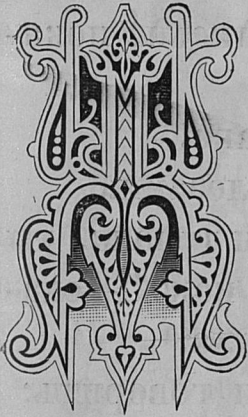
Днемъ игры и пѣсни,
А станетъ темнѣть,
За книгой у лампы
Не скучно сидѣть...

Холодное время
Пройдетъ чередой,
И въ воздухъ снова
Запахнетъ весной.

Е. Бекетова.

КРАСНАЯ ЖИЛЕТКА.

иль себѣ мужикъ Петръ. У него была жена Анисья. У Петра и Анисьи былъ сынокъ Ваня. Петръ любилъ Анисью, Анисья любила Ваню. Купить бывало Петръ Анисьѣ ситцу на платье; Анисья платье сошьетъ, а изъ остатковъ Ванѣ рубашечку выкроить. — «Когда вырастешь большой, жилетку тебѣ сошью», скажетъ она, надѣвая на Ваню новую рубашечку. А Ванѣ очень хотѣлось носить жилетъ. Вотъ онъ и думаетъ: «когда же я вырасту?» Станетъ на скамеечку, — у-какой большой, а все-таки ниже тяти ростомъ. (Тятей отца онъ звалъ).

Разъ купилъ Петръ Анисьѣ хорошаго краснаго ситцу. Анисья сшила себѣ платье и думаетъ: «сошью Ванѣ жилетку». Ему уже восьмой годокъ тогда пошелъ.

Выкроила Анисья жилетку, сшила и говоритъ: «вотъ тебѣ жилетка!» Ваня такъ и подпрыгнулъ отъ радости. — «Только ты ее надѣнешь, когда грамотѣ выучишься».

Ваня и носъ опустилъ: сказать надо правду, ему учиться не хотѣлось.

— Сюда карандашикъ будешь класть, а сюда перышко,—говорить Анисья, показывая на карманы.

У жилетки было два кармана.

Заплакаль Ваня, залился слезами.

— Вотъ тебѣ—глупый! А я думала, ты ужъ большой. Вишь заревѣль какъ!—сказала Анисья и жилетку спрятала.

Подумаль, подумаль Ваня и говоритъ:

— Мама! выучусь грамотѣ, дашь жилетку?

— Дамъ, родимый!

И побѣжалъ Ваня въ школу.

— Мама, я ужъ буквы знаю!

— Мама, я ужъ книжку читаю!

— Мама, я ужъ «Зайчика» выучиль!—

день за днемъ говорилъ онъ матери.

«Заинька, по сѣничкамъ

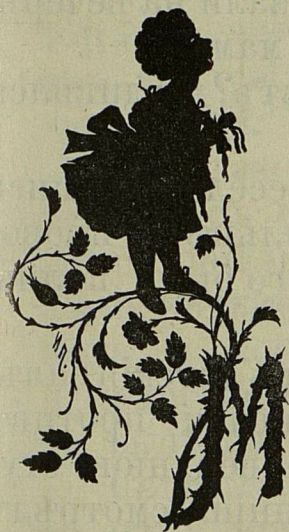
«Гуляй-таки, гуляй!

«Сѣренькій, по новенькимъ

«Гуляй, погуляй!»

— Давай жилетку!

И надѣль Ваня жилетку, радъ и счастливъ, заложивъ пальцы въ карманы, ходить-гуляетъ по горенкѣ, повторяя нараспѣвъ любимый стишокъ: «Заинька, гуляй-таки, гуляй... Сѣренькій, гуляй, погуляй!..»

КАКЪ ВАНЯ ПОПАЛЪ НА ДѢТСКІЙ БАЛЪ.

ама Саши дѣлала для нея вечеръ, на дачѣ, въ день ея рожденія, и позволила ей пригласить, кого она захочетъ изъ дѣтей, съ которыми дѣвочка такъ весело играла по вечерамъ въ большомъ саду. Но, такъ какъ въ этихъ шумныхъ играхъ участвовали человѣкъ двадцать дѣтей всѣхъ возрастовъ, и не могла Саша пригласить ихъ всѣхъ, то она, по совѣту мамы, позвала на вечеръ лишь тѣхъ, кто былъ постарше и изъ семействъ, которыя бывали у нихъ въ домѣ.

Изъ числа послѣднихъ, Лиля и Викторъ, близкіе друзья Саши, получили приглашеніе на ея балъ, а младшаго ихъ брата, Ваню, не позвали.

Ваня изумился. Онъ не могъ этому повѣрить: онъ все надѣялся, что въ самую послѣднюю минуту это какъ-нибудь измѣнится.. Саша передумаетъ... и Ваня пойдетъ, съ сестрою и братомъ, на балъ.

Но вотъ — Лиля и Викторъ пошли ужъ одѣваться. Ваня одѣлся тоже въ лучшую свою рубашечку съ хорошенькимъ кушакомъ.

— Милый, тебя вѣдь не звали на вечеръ: ты еще малъ,—сказала ему мама.

— Я! малъ? мнѣ семь лѣтъ?—удивился Ваня.

Лиля и Викторъ пошли, весело взявшись за руки; Ваня стоялъ на крыльцѣ и провожалъ ихъ взглядомъ, глазки его были полны слезъ.

Домъ, гдѣ начинался теперь дѣтскій балъ, стоялъ на углу, наискось, почти противъ крыльца, гдѣ Ваня сѣлъ на верхнюю ступеньку и, въ нѣмомъ отчаяніи, смотрѣлъ на рядъ освѣщенныхъ оконъ; звуки музыки долетали до него въ тишинѣ этого теплаго іюньскаго вечера. Ваня видѣлъ, какъ подъѣзжали и собирались въ освѣщенный подъѣздъ маленькіе гости и, съ упрекомъ Сашѣ, мальчикъ говорилъ себѣ, узнавая товарищей:

— Неужели это идетъ Паша? Да. Но ему вѣдь и семи лѣтъ нѣтъ. А я—я малъ!.. Вонъ Николай: ну, этотъ постарше меня—онъ однихъ лѣтъ съ моимъ братомъ. Ахъ, Саша, Саша! такая добрая и огорчила меня.

Ваня долго сидѣлъ на ступенькѣ, закрывъ лицо руками. Пришла туда няня позвать его пить съ мамой чай,—Вани уже на крыльцѣ не было. Няня сказала затѣмъ мамѣ что Ваня на званомъ вечерѣ, въ большемъ домѣ. Какъ онъ туда попалъ, объяснилось потомъ.

Дѣти вернулись втроемъ—Лиля и Викторъ въ негодованіи на Ваню за то, что онъ явился незванымъ; Ваня—чрезвычайно довольный, съ блестящими глазами.

Какъ же онъ попалъ на вечеръ? Онъ сошелъ съ крыльца и отправился посмотреть поближе веселый балъ. Чтобы ему было виднѣе, онъ влѣзъ на ограду палисадника и, когда увидѣлъ нарядныхъ дѣтей, и подносы съ плодами и конфектами, Ваня не выдержалъ и отчаянно заплакалъ.

Саша съ мамой въ тревогѣ подбѣжали къ окну, увидѣли малютку, привели его въ залу. Когда, вскорѣ затѣмъ, пришла няня звать его пить чай, Саша ей сказала:

— Нѣтъ, оставьте его: онъ теперь слишкомъ огорчится, если вы его уведете домой.

— Тебѣ нельзя было ходить, милый, къ нимъ на вечеръ,—замѣтила ему мама, когда онъ возвратился съ братомъ и сестрою.— Ты не былъ приглашенъ, а ты пошелъ.

— Я думалъ такъ, что Саша не хотѣла меня обидѣть,—отвѣчалъ мальчикъ,—она любить со мной играть. Къ тому же, вѣдь это такіе пустяки: однимъ маленькимъ мальчикомъ больше или меньше на званомъ вечерѣ! И всѣ были мнѣ очень рады, а мнѣ было такъ весело, такъ весело, мама!..

Каждая думает о своемъ

ДИМА - ГРИБЪ.

орошо въ лѣсу; солнышко свѣтитъ, пахнетъ сосною, на травѣ, какъ слезинки, блестятъ капли росы. Все живое въ немъ радуется: птички поютъ, насѣкомыя стрекочутъ; все двигается и работаетъ. По лѣсу раздаются звонкіе дѣтскіе голоса; цѣлая компанія дѣтей собираетъ грибы.

— Ау! — кричитъ одинъ, — рыжика нашель, маленькій, славный такой!

— А у меня бѣлый, большущій, — откликается Дима.

Димъ всего шесть лѣтъ, его круглое, веселое личико съ черными глазками разгорѣлось отъ бѣготни и свѣжаго воздуха.

Дѣти окружили его.

Дима осторожно вынулъ изъ мягкаго сѣдого моха большой грибъ съ толстымъ бѣлымъ корнемъ и темной шляпкой. Грибъ сидѣлъ глубоко во мху, точно въ мягкой постелькѣ.

— Ухъ! — вскричалъ Дима, — какъ ему

тутъ хорошо, вотъ бы мнѣ быть грибомъ, я бы тогда и спалъ въ лѣсу!

Дима очень любилъ лѣсъ, а потому и позавидовалъ грибу.

— Ну, такъ сдѣлайся грибомъ, — посовѣтовали ему, смѣясь, другія дѣти.

...И Дима сталъ грибомъ, но маленькимъ; онъ былъ совсѣмъ зарытъ въ мягкомъ мху. Захотѣлось ему выглянуть оттуда, но онъ не могъ, мохъ кругомъ окутывалъ его.

— Этакъ скучно, — подумалъ Дима-грибъ и хотѣлъ побѣжать, но и бѣжать не могъ, ноги его обратились въ толстенькій корешокъ, который крѣпко сидѣлъ въ землѣ.

Пошелъ дождь, потомъ пригрѣло солнышко и Дима-грибъ быстро выросъ, корень его сталъ настолько высокъ, что онъ поднялся надъ мохомъ и могъ видѣть все кругомъ себя. Птички пѣли надъ его головой, а онъ изъ-подъ своей толстой шляпы не могъ ихъ видѣть. По Дима ползають букашки:

— У, противныя, какъ онѣ смѣются!

И Дима-грибъ хочетъ, но не можетъ ихъ сбросить; а тамъ опять идетъ дождикъ и онъ опять растетъ и толстѣетъ.

— Грибъ, грибъ, бѣлый, большой!—слышитъ онъ голоса своихъ братьевъ и сестеръ.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть съ ними,—думаетъ Дима,—вѣрно они на возу поѣдутъ кататься сегодня,—а я стой тутъ!

Не успѣлъ онъ это подумать, какъ былъ уже въ рукахъ у Лизы.

— Я нашла, мой грибъ!—кричала она и положила его въ свою корзинку.

— А я первый его увидалъ!—спорилъ Митя.

— Нѣтъ я!..

Покричали и рѣшили, что всѣ грибы слѣдуетъ сложить въ одну корзинку; такъ и сдѣлали.

Диму заложили рыжиками и другими грибами и понесли домой.

Принесли грибы на кухню и къ корзинкѣ подошла кухарка и стала перебирать ихъ.

— Ухъ! Какія у нея жесткія, грубыя руки!—подумалъ Дима, когда Ирина взяла его.

— Ай! — хотѣлъ онъ крикнуть, когда она разломила его большую шляпку, но этого сдѣлать не могъ — голоса у него не было.

— Червивый, дрянъ!—услыхалъ онъ про

себя и его выбросили въ окно, прямо на грязный дворъ.

И вотъ онъ лежитъ въ грязи, поломанный, кругомъ его ползаютъ маленькіе, бѣленькіе червячки и ѣдятъ его.

— Долго ли тутъ лежать, — съ отчаяніемъ думаетъ Дима-грибъ; хочется ему плакать, но и плакать онъ не можетъ, — у него нѣтъ слезъ.

Къ нему подходитъ пѣтухъ; какой онъ большой и уродъ — носъ крючкомъ.

— Ку-ку-ре-ку! — кричитъ пѣтухъ, расправивъ крылья и на его зовъ сбѣгаются куры; онѣ топчуть Диму своими грязными ногами и расклевываютъ его на кусочки.

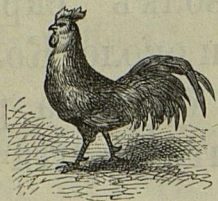
Тутъ Дима проснулся; солнце ярко свѣтило въ растворенное окно; онъ лежалъ въ своей кроваткѣ.

«Лучше оставаться мальчикомъ, грибомъ быть не хорошо», — думаетъ Дима.

— Вставай-ка, сонуля, — говоритъ папа, входя въ комнату.

Дима одѣвается и радуется, что онъ не грибъ.

М. Львова.

БАБУШКА И ПРАВНУЧЕКЪ.

бабушкѣ Аннѣ было сто два года, а правнучку Колѣ минуло лишь пять лѣтъ... Однажды бабушка Анна стала собираться въ лѣсъ по грибы.

— Бабушка, и я съ тобой пойду!.. — сказалъ Коля.

— Куда тебѣ со мной!.. устанешь...

— Нѣтъ, бабушка, пойду — не устану...

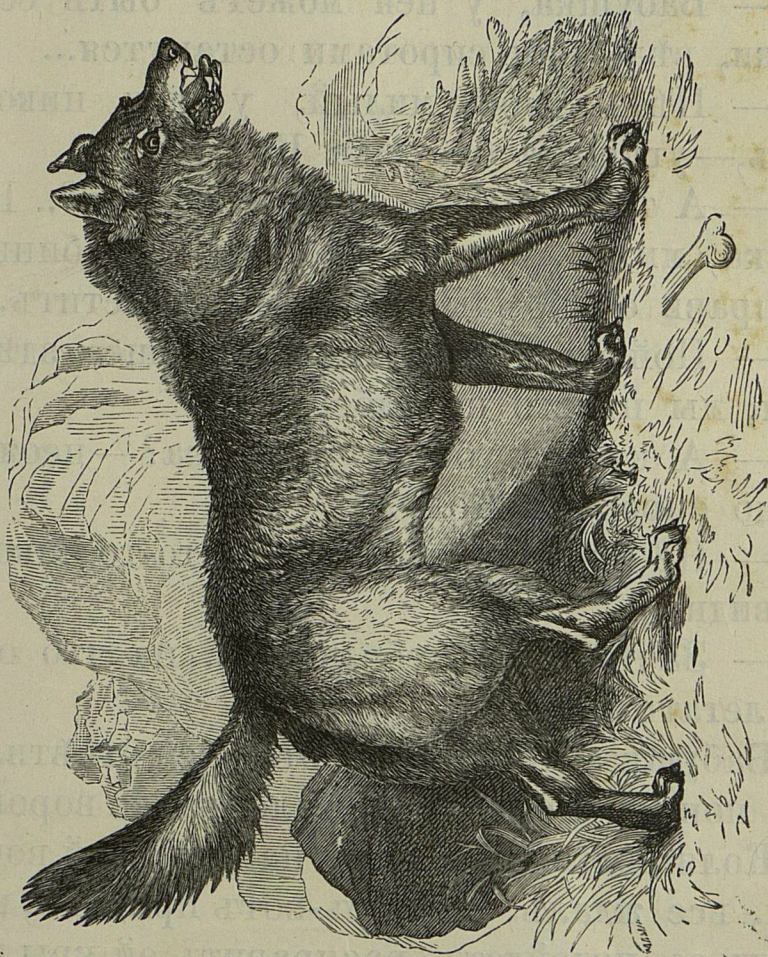
— Въ лѣсу волки тебя заѣдятъ, — стала стращать бабушка.

— А какъ волки прибѣгутъ, я за тебя, бабуся, и спрячусь, — отвѣтилъ Коля.

Дѣлать нечего, взяла бабушка съ собой Колю... Идутъ-разговариваютъ... Вотъ и лѣсъ, вотъ и дорожка къ грибнымъ мѣстамъ, вдругъ раздался выстрѣлъ, черезъ минуту захрустѣли сучья, въ кустахъ мелькнула голова волка — волкъ скрылся, раздался снова выстрѣлъ и около Коли упала убитая ворона... Коля и бабушка растерялись.

— Бабушка, птичка, птичка свалилась, — шепчетъ Коля.

— Ворона это, милый, ворона, — отвѣтила бабушка...

Волкъ

— А ворона развѣ не птица?!

— Ну, какая, милый, птица, — просто ворона...

— Тебѣ не жаль ея, бабушка?..

— Зачѣмъ ее жалѣть, ворону на каж-

домъ шагу встрѣтить можно, да и что въ ней хорошаго, простая ворона...

— Бабушка, у нея можетъ быть есть дѣтки, вѣдь они сиротами останутся...

— Нѣтъ, мой милый, у нея никого нѣтъ,—утѣшала бабушка Колю...

— А ты, бабушка, почему знаешь?.. Бабушка, милая, оживи ее, вынь дробинки, расправь ей крылышки и она полетитъ...

— Пойдемъ, Колинъка, дальше, здѣсь стоя, мы ничего не наберемъ...

— А кто ее убилъ, бабушка?—неожиданно спросилъ Коля.

— Не знаю, милый, здѣсь что-то никого не видно...

— Зачѣмъ онъ убилъ ее?.. на что она Ей летать надо...

Бабушка ничего на это не отвѣтила, она поняла Колю и ей стало жалко ворону.

Коля долго еще стоялъ надъ убитой вороной, все ждалъ, что вотъ-вотъ придетъ, кто убилъ ее, подойдетъ, расправитъ ей крылышки, ворона полетитъ... но такъ и не дождался...

Максимушка.

